

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук,
профессор

В КАБАЛЕ У СОЛНЦА

К 125-летию А. Л. Чижевского

“Мы — гиперборейцы...”
Фридрих Ницше

В своих воспоминаниях о почти двадцатилетней дружбе с К. Э. Циолковским А. Л. Чижевский утверждал, что многолетнее интеллектуальное общение с ним внесло в его мировоззрение “радикальные перемены”¹. Следуя духовным импульсам, полученным от создателя русской “космической философии”, казавшегося пытливому юноше “великим посвящённым”², Чижевский быстро избавился от суеверно-фетишистского восприятия современной науки, проникся благоговейно-почтительным отношением к мудрости древних и в ходе своих новаторских исследований на стыке “наук о природе” и “наук о духе” частично реконструировал “сокровенное учение” греческих мудрецов, фактически подтвердив прогноз Циолковского об обретении человечеством некогда утраченного “эзотерического знания”³. Формулируя основы гелиобиологии, космической медицины и космопсихиатрии, Чижевский вопрошал, не пришли ли мы сегодня к “восстановлению некоторых принципиальных заключений астрологии” и “древней алхимии”? И тут же отвечал на поставленный вопрос “без всяких колебаний и сомнений” утвердительно⁴. Обратим внимание на некоторые из упомянутых им “принципиальных положений”, образующих совокупность тех “философских предпосылок”, которые позволили Чижевскому совершить прорыв в области познания Земли как космического организма, “живого существа” и человека как микрокосма, продвинуться по “пути создания новых научных концепций”⁵.

Прежде всего, нужно сказать о метафизике света и светосвечения, которая нашла свои теоретические выражения в математическом мистицизме пифагорейцев, языческом “солнечном монотеизме” Платона и неоплатоников, а также в христианской мистике Псевдо-Дионисия Ареопагита, Майстера Экхарта и Якоба Бёме. Кроме того, Чижевский испытал на себе вдохновляющее воздействие “Мыслей” Блэза Паскаля, томик которого в белом кожаном переплёте лежал у него на столе как Евангелие⁶. Паскалевская философия зовущих и притягивающих человека космических бездн подпитывала мышление русского биофизика, как и фаталистическая “Этика” Спинозы. Развивая мотивы древней натурфилософии, Чижевский отмечал, что “за 1700 лет до Коперника сущность гелиоцентрической теории была известна” *аполлиническо-солнечной душе древнего грека*. Следуя этой традиции, русский учёный рассматривал Солнце как “энергетическую первопричину” почти всех явлений на Земле (кроме морских приливов и отливов), включая психическую жизнь человечества в её нормальных и патологических проявлениях. “Усиленный приток лучистой энергии Солнца превращается, — писал он в 1931 году, — пройдя

ряд промежуточных стадий, в переизбыток нервно-психической, эмоциональной энергии”⁷. Исходя из продуманного ещё Гераклитом и Аристотелем “энергетического понимания природы”⁸, Чижевский рассматривал все формы движения, включая и “движение нашей мысли”⁹ как проявления игры космических сил¹⁰. Жить, по его словам, “это значит пропускать сквозь свой организм потоки энергии”¹¹. Усвоив скрытый смысл “мистического учения” Циолковского¹², разделяя вместе с “калужским провидцем” приверженность к пансихизму древних греков, Чижевский пошёл дальше своего учителя — **от космологии к психоистории**, к истолкованию массовых социальных движений “с психиатро-психологической точки зрения”¹³ — как выражений “психической бури” на планете, поднимающейся вместе с очередным всплеском пятнообразовательного процесса на Солнце. Предположение Циолковского о грядущей “тотальной катастрофе” как порождении присущего массам “патологического стремления к самоуничтожению” или “безумной воли небольшой группы людей” (ницшеанской *воли к гибели*), решившей использовать разрушительную мощь атома, было созвучно историометрическим построениям и прогнозам Чижевского. Статистически подкреплённая гипотеза Чижевского относительно синхронности четырёх периодов одиннадцатилетнего цикла солнечной активности и глобальных колебаний в психосфере Земли стала неожиданным подтверждением герценовской историософии, в свете которой всемирная история предстаёт перед нами в виде трагедии в её дионисийском понимании — как сцена, на которой орудует *homo insanus*¹⁴, то есть всё-таки **животное неразумное (человекокозёл)**, пребывающее в иллюзиях относительно собственной сущности. Этот убийственный герценовско-ницшеанский историософский пессимизм, усвоенный Чижевским, может быть отчасти нейтрализован одним соображением, навеянным всё той же космологией древних греков: всё же Солнце-жизнеподатель, отвечая за нарастания нервно-психической возбудимости человеческих масс (=стада, на языке Ф. Ницше) и их уклонения “в сторону патопсихологии”, не способно придать массовой деятельности какую-либо смысловую направленность, некое мифологическое или ценностно-идеологическое оформление. Приравнивая феномен свободной воли к фантому, кажимости, Чижевский ошибочно отождествлял психическую энергию и силу Духа, скептически воздерживаясь от обсуждения вопроса о природе первоисточка человеческих целеполаганий и так или иначе упорядочивающих нашу жизнь *эйдосов*. Анаксагорский космический *Нус*, аристотелевский *Ум-перводвигатель*, *Логос* Гераклита и Иоанна Богослова, *пневмосфера* П. А. Флоренского не были использованы Чижевским в ходе предпринятой им реконструкции древней астропсихологии — этой натурфилософской основы разработанной им космопсихиатрии. Демонстрируя в своей жизненной практике абсолютную интеллектуальную независимость подвижника Духа, аскетизм и бесстрашие подлинного пневматика, он предпочёл остаться в области историософии и социологического теоретизирования “в кабале у Солнца”, защищая принципы космического детерминизма.

*Так он вещал из молчаливой бездны,
Насыщенной звучаньем скрытых сфер,
Гармонией тех вихрей многозвездных,
Где борются Христос и Люцифер*¹⁵.

А. Л. Чижевский вошёл в историю науки как инициатор рискованных, междисциплинарных исследований, подрывающих парадигмальные основы позитивистски ориентированного математического естествознания Нового времени. Будучи концептуально мыслящим учёным, интуитивно достигшим в общении с К. Э. Циолковским¹⁶ высокого уровня философской рефлексии, он не стремился к созданию принципиально новой доктрины, понимая, что сила мыслящего духа проявляется не столько в производстве логически обоснованного и эмпирически проверяемого “нового знания”, сколько в возобновлении великой аполлоническо-гиперборейской Традиции, которая предана забвению властвующей учёной посредственностью или искажена до неузнаваемости. Говоря о своеобразии гениальности Чижевского, нужно отметить, что он с юности был пленён “духом звёзд и стихий”¹⁷, и эта пленённость проявилась позднее в том особенном “русском фатализме”, который некогда вызывал восхищение у Фридриха Ницше, поскольку означал “любовь к року”,

отрицание “догмата о свободе воли”¹⁸, более того — “уничтожение воли”¹⁹ и признание неотвратимости *вечного возвращения того же самого* — эту “победоносную мысль”²⁰, запечатлённую в мистических учениях Запада и Востока, к которым, по убеждению К. Э. Циолковского, в конце концов, обратится современная наука, если осознает, что “нет ничего нового под солнцем” (Еккл. 1, 9).

Вопреки утверждениям создателя “Основ историометрии” о том, что его теория периодических колебаний исторического процесса в планетарном масштабе является результатом статистической обработки эмпирически наблюдаемых данных и не имеет ничего общего с идеей вечного возвращения — “Das ewige Wiederkunft”, — которую по-разному формулировали пифагорейцы, стоики, Екклезиаст, Ф. Ницше и О. Шпенглер, следует признать, что именно эта идея стала для Чижевского главной априорной схемой его теоретического мышления, основой для конструирования одиннадцатилетних “всеобщих исторических циклов”, каждый из которых включает в себя четыре периода и представляет собой “единицу отсчёта исторического времени”²¹, искомое им “*вечное теперь*” всемирной истории.

Разбирая космологические построения древних, А. Л. Чижевский видел в их “натурфилософских синтезах” выражения изначального *солнечного монотеизма*, первые наброски “солнечной теории”, которые представляли собой не “наивные и жалкие сказки”, а “тончайшие системы символов”, нуждающиеся в *дешифровке*, “перлы глубочайших логических построений древних мыслителей”. Он обращал внимание на совершенство этих умозрительных конструкций, их непреходящую духовную ценность и в этом плане был тайным гиперборейцем, последним *апостолом вечного возвращения*.

А. Л. Чижевский с сожалением говорил о “невнимании и неуважении к творчеству древних”, имея в виду вульгарно-материалистически мыслящих “современных естествоиспытателей” — излишне самонадеянных и самовлюблённых, не подозревавших о тяготении “аполлиническо-солнечной души древнего грека” к идее главенства Солнца как энергетической первопричины бытия сущего в целом, не имевших представления о гелиоцентризме *Аристарха Самосского* (310–250 гг. до н. э.), поверхностно воспринимавших “философские учения ионийской школы”.

Возвращаясь к забытой естествоиспытателями *солнечной традиции*, реконструируя утраченное “эзотерическое знание” древних, А. Л. Чижевский актуализировал не только идеи досократиков. Ему были близки и прозрения, содержащиеся в “Египетской книге мёртвых”, где Солнце изображалось как “творец богов”, “коронованный царь богов”, “повелитель мира и его обитателей”, “властелин земли”, “создатель живущих в высотах и глубинах”, “могущественнейший из богов”, определяющий неизменный ритм бытия вселенной и подпитывающий своей животворящей энергией *Землю как единый организм*²².

*С каким волнующим благоговеньем
Смотрю на вас, папирусы Египта...*²³

Озирис говорит о верховном божестве Ра: “Ты великий самопорождённый бог, ты тот, кто сотворил сам себя!”, “создал род человеческий и тварей земных”. И научное творчество, и поэтизирующее мышление А. Л. Чижевского были откликами на слова гимна Озириса в честь Ра: “Приветствую твой Диск, о повелитель света, поднимающийся на горизонте и дающий жизнь роду человеческому. Да будет на то воля твоя, чтобы я мог лицезреть тебя на рассвете день за днём”. Можно сказать, что Чижевский-солнцеклонник, как “один из угодных” коронованному царю богов — Солнцу, “оказался среди спутников Великого Бога”, а усвоенная им светоносная идея вечного возвращения стала основой для его новаторских разработок — *гелиобиологии, космопсихиатрии, учения о пандемиях, историометрии и психоистории*. Мир представлялся ему, как и почитаемому им “учителю вечного возвращения”²⁴ Фридриху Ницше, “круговоротом, который уже повторялся бесконечное число раз и разыгрывает свою партию in infinitum”²⁵. Это миропредставление и в наше время может служить теоретической предпосылкой для прогнозирования зигзагов и кризисов мировой истории, включая “психические бури” на Земле и “эпидемии массового психоза”²⁶, в которых Чижевский, следуя логике Ницше, видел реализацию

присущего человеку дионисийского “стремления к самоуничтожению”²⁷. Так называемое *ковидобесие* последних двух лет – пример “психоза коллективного самоистребления”²⁸ в эпоху возвращения Диониса, “начальника Смерти”, самого безжалостного и “последнего властителя мира”²⁹.

*Повсюду – тьма. Безгласно все кругом.
Все беспредельности объяты мертвым сном.
О, дух, родись во мраке ночи вечной.
Летят шары по бездне бесконечной.
Ответа нет. Решенья не дано.
Во тьму глядит безумие одно*³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М., 1995. С. 65.
- ² Чижевский А. Л. Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским. М., 1999. С. 674.
- ³ Там же. С. 660.
- ⁴ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 691.
- ⁵ Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. С. 243.
- ⁶ Там же. С. 385.
- ⁷ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 244.
- ⁸ Там же. С. 235.
- ⁹ Там же. С. 81.
- ¹⁰ Там же. С. 135.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. С. 379, 404.
- ¹³ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 232.
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Водолагин А. В. Психопатология всемирной истории. // Космос и мировая история. М., 2002; Водолагин А. В. Русское познание Бога. Философия духа в России. М., 2019. С. 236–246.
- ¹⁵ Чижевский А. Л. Музыка тончайших светотеней. Стихотворения. М., 2013. С. 229.
- ¹⁶ Чижевский А. Л. Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским. М., 1999. С. 674.
- ¹⁷ Бёме Я. О тройственной жизни человека. Уфа, 2011. С. 9. Выдвинутая Циолковским гипотеза “страдающей материи” была развитием идеи Якоба Бёме.
- ¹⁸ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 672.
- ¹⁹ Nietzsche F. Der Wille zur Macht. Stuttgart, 1996. S. 691.
- ²⁰ Nietzsche F. Der Wille zur Macht. S. 689.
- ²¹ Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 33.
- ²² Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 673.
- ²³ Чижевский А. Л. Музыка тончайших светотеней. С. 198.
- ²⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч. в тринадцати томах. Т. 11. М., 2012. С. 12.
- ²⁵ Ницше Ф. Полн. собр. соч. в тринадцати томах. Т. 13. М., 2006. С. 344.
- ²⁶ Там же. Т. 7. М., 2007. С. 10.
- ²⁷ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 366.
- ²⁸ Schelling F. W. J. Urfassung der Philosophie der Offenbarung. Hamburg, 1992. S. 286.
- ²⁹ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 366.
- ³⁰ Чижевский А. Л. Музыка тончайших светотеней. С. 218.